

Содержание

Предисловие · 1

ЧАСТЬ I. РАЗРУШЕНИЕ И СОЗИДАНИЕ БОГАТСТВ

Глава 1. Эпоха экономики обогащения · 12

Деиндустриализация стран Западной Европы · 12; Старые и новые центры процветания · 15; Вездесущность обогащенных вещей · 20; Расцвет роскоши · 24; Патримониализация · 31; Развитие туризма · 37; Рост культурных видов деятельности · 44; Торговля искусством · 50; Арль: от паровозных мастерских к выставке современного искусства · 54; Экономическая переориентация на богатых · 60

Глава 2. На пути к обогащению · 64

Характеристики экономики обогащения · 64; Месторождения экономики обогащения · 69; Изменения во французской культурной политике · 73; Новая перспектива в экономическом анализе · 83; Переход на разных уровнях · 86; От наследия ради приятности к патримониальному предприятию · 92; Локальные мутации в глобальном капитализме · 97; Приняв сторону вещей · 103

ЧАСТЬ II. ЦЕНА И ФОРМЫ ВАЛОРИЗАЦИИ

Глава 3. Коммерция вещей · 111

Состояние товара · 111; Об обороте вещей · 116; Из рук в руки · 119; Определение · 124; Цена и метацена · 129; Критика цены · 138; Стоимость как обоснование цены · 143; О цене как конструктивном элементе реальности · 149

Глава 4. Формы валоризации · 159

Структура и группа преобразований форм валоризации · 159; Представления вещи: аналитическое/нарративное · 173; Проблема валоризации через образ · 177; О воспроизведении вещей · 182; Нехватка, совокупность и редкость · 186; Институты и формы валоризации · 190; Структурализм и капитализм · 194

ЧАСТЬ III СТРУКТУРЫ ТОВАРА

Глава 5. Стандартная форма · 205

Модель стандартной формы · 205; Стандартная форма и промышленная продукция · 209; Прототипы и образцы · 214; Распространение

вещей без людей · 218; Внутренние противоречия стандартной формы · 223; Беспокойство, порождаемое стандартной формой · 227

Глава 6. Стандартизация и дифференциация · 232

Историчность форм валоризации · 232; От торговли вещами к товарному обороту · 238; Влияние стандартизации на образование форм валоризации · 243; Экономика материальная, экономика нематериальная · 248

Глава 7. Коллекционная форма · 252

Современность коллекционной формы · 252; Диспозитив систематической коллекции · 261; Предметы коллекционирования · 265; Цена и стоимость коллекционных вещей · 274; Сферы коллекционируемого · 282; Структура коллекционной формы · 289

Глава 8. Коллекционирование и обогащение · 296

Полезность бесполезного · 296; Коллекционирование в фокусе маркетинга · 303; Об использовании коллекционной формы производителями предметов роскоши · 314; Коллекционная форма и современное искусство · 324; Противоречие экономики обогащения · 331

Глава 9. Трендовая форма · 338

Тренд, знак и отличие · 338; Структура трендовой формы · 345; Экономические ограничения трендовой формы · 354; От формы трендовой к форме коллекционной · 361

Глава 10. Активная форма · 366

Характеристики активной формы · 366; Ликвидность вещей как активов · 373; Рыночная сила активов · 377

ЧАСТЬ IV. КОМУ ВЫГОДНО ПРОШЛОЕ

Глава 11. Прибыль в торговом обществе · 387

Конкуренция и дифференциация · 387; Трудовая прибавочная стоимость и прибыль · 391; Торговая прибавочная стоимость и прибыль · 397; Перемещать товары или перемещать покупателей · 403; Перемещения между формами валоризации · 408; Использование богатых и капитализм · 411

Глава 12. Экономика обогащения на практике · 417

Обогащенная деревня: Лайоль в Обраке · 418; Валоризация ножей посредством коллекционной формы · 426; «Имя, бренд, деревня» · 443

Глава 13. Контур общества обогащения · 454

Обустройство вещей и людей · 454; Кто может извлекать выгоду из экономики обогащения? · 456; Незадействованные и услуга · 459; Возвращение «рантье» · 464

Глава 14. Креаторы в экономике обогащения · 472

Экономическое состояние работников культуры · 472; Продажа себя как креатора · 480; Принуждение к самоэксплуатации · 487; Обстоя-

тельства кристаллизации социальных классов · 492; Замешательство в критике · 496

Заключение. Действие и структуры · 500

Экономика обогащения и критика капитализма · 500; О прагматическом структурализме · 508

Приложение. Очерк формализации структур товара

Гийом Куффиньяль · 515

Элементы базисного языка теории категорий · 518; Формы валоризации товара · 535; Куда можно пойти дальше? · 546; Литература · 550

Благодарности · 551

Литература · 554

*Посвящается
Доминик*

Предисловие

СОЦИАЛЬНЫЕ акторы, продают они или покупают, постоянно погружены в мир товара, от которого зависят, в большой степени и часто больше, чем они хотели бы допустить, опыт того, что они понимают под реальностью. Состоящий из вещей, находящихся в обращении, товар обретает свое единство в операции, посредством которой этим вещам, всякий раз, когда они переходят из рук в руки, выпадает цена в денежном выражении. Но в то же время эти вещи все же остаются разнородными, и таким образом мир товара предстает не в виде непрозрачной совокупности, что сделало бы его непроницаемым, а как структурированное целое. Отсылка к этим структурам позволяет идентифицировать каждую из обмениваемых вещей. Именно благодаря негласному знанию этих интериоризированных структур социальные акторы могут ориентироваться в мире товара, заниматься торговлей и, в частности, судить об отношении между вещами и их ценой.

Но эти структуры и отношения, которые они устанавливают между вещами, их ценой и приписанной им стоимостью, пользуются дифференциалами, укорененными в пространстве, и носят исторический характер. Они изменяются во времени в зависимости от перемещений капитализма, который в большинстве современных обществ жестко регламентирует торговлю вещами. В этом отношении работы Вальтера Беньямина предоставляют нам потрясающий контекст для сопоставления структур товара, которые лежат в основе торговли в большей части Европы XXI в., а может, и всего мира, со структурами XIX в. В эссе «Париж, столица XIX столетия»¹ он питает свои размышления об истории и свою критику «вещной репрезентации ци-

1. Walter Benjamin, *Paris, capitale du XIXe siècle, Écrits français*, Paris, Gallimard, coll. Bibliothèque des idées, 1991 (1939), p. 290–309; Вальтер Беньямин,

визации» рефлексией о товаре в эпоху торжествующего капитализма. Товары «манифестируются» в «непосредственности чувственного присутствия», и неотъемлемым образом — говорит Беньямин — «в виде фантазмагорий», созерцанию которых отдается «фланер», «ищущий убежище в толпе». Беньямин делает упор на радикально новых для того времени формах «города-мира», где концентрируются не только финансы, роскошь и «дух моды», но также революционная богема, воплощением которой является Бланки, но главное — промышленность и пролетариат. В первую очередь ему важно показать тот способ, посредством которого сущее — люди и вещи, сконцентрированные в одном пространстве, — воплощают радикальный разрыв с прошлым, озаменованный формированием промышленного и финансового капитализма, разрыв, конкретизированный в разрушениях, сделанных Османом, и в сопровождавших их реорганизации городской ткани. Эпоха «товара-фетиша» стремится основать свою легитимность на футуристической инсценировке благодетелей «техники», при этом «слепая вера в прогресс» является инструментом, посредством которого «историк, идентифицирующий себя с победителем», всенепременно служит «нынешним властью предержащим»².

Однако персонаж фланера, если его перенести в Париж XXI в., погружается в совершенно другую реальность. Последняя является не менее капиталистической, нежели та, с которой сталкивался фланер Беньямина. Но при этом «роскошь» не кичится больше своим «промышленным» происхождением. Наоборот, роскошь стремится предать забвению свое укоренение в производственной сфере, закамуфлировать которую не составляет никакого труда, поскольку в настоящее время она по большей части делегализирована в орбиту других и отдаленных «городов-миров». Накопление капитала продолжается и даже интенсифицируется, но оно опирается на новые экономические диспозитивы и связано с диверсификацией мира товара в зависимости от способов его валоризации.

«Париж, столица XIX столетия», в Вальтер Беньямин, *Озарения*. Москва: Мартис, 2000, с. 153–167.

2. Walter Benjamin, *Sur le concept d'histoire*, p. 333–356; Вальтер Беньямин, «О понимании истории», в Вальтер Беньямин, *Озарения*. Москва: Мартис, 2000, с. 228–236.

Таким образом, цель этой книги заключается в том, чтобы описать эту трансформацию капитализма, которая особенно ощутима в тех государствах, что были некогда колыбелью европейского промышленного могущества, в частности во Франции, и в анализе распределения товара между различными формами его валоризации.

Соответственно, наша работа выстраивается, таким образом, в двух направлениях, которые мы попытаемся соединить. Первое направление является скорее историческим. Его объектом станут экономические изменения, которые начиная с последней четверти XX в. коренным образом изменили способ, с помощью которого создаются богатства в странах Западной Европы, отмеченных, с одной стороны, деиндустриализацией, с другой — возросшей эксплуатацией ресурсов, которые, не будучи абсолютно новыми, приобрели беспрецедентный масштаб. Мы считаем, что размах этого изменения становится понятен лишь при условии сопоставления областей, которые обычно рассматривают по отдельности, а именно таких, в частности, как искусства, преимущественно пластические, культура, торговля антиквариатом, создание фондов и музеев, индустрия роскоши, патримониализация и туризм. Мы попытаемся показать, что постоянные взаимодействия между этими различными областями позволяют прояснить способ, с помощью которого каждая из них генерирует прибыль. Наш аргумент заключается в том, что общим для них является эксплуатация некоего резерва, который есть не что иное, как *прошлое*.

Мы будем называть этот тип экономики «экономикой обогащения», задействуя амбивалентность термина «обогащение»: с одной стороны, мы используем его в том смысле, который имеют в виду, когда говорят об обогащении металла, среды обитания, культурного фонда, предмета туалета или же о совокупности предметов, составляющих коллекцию, акцентируя внимание на том факте, что такая экономика держится не столько на производстве новых вещей, сколько берется *обогащать* уже наличные вещи, в основном связывая их с определенными нарративами. С другой стороны, термин «обогащение» отсылает к одной из специфических характеристик этой экономики, каковая сводится к тому, чтобы извлекать выгоду из торговли вещами, которые предназначены в основном богатым людям и которые также составляют для этих богатых людей, что ими торгуют, дополнительный источник обогащения. Нам представ-

ляется, что обзор экономики обогащения и ее последствий необходим для того, чтобы понять трансформации современного французского общества и отдельные проблемы, которые в нем наблюдаются.

Второе направление является скорее аналитическим. Его цель — понять, как весьма различные товары могут порождать трансакции, которые по меньшей мере для большинства из них будут казаться в глазах акторов, каковые в них вступают в качестве продавцов или же покупателей, как вполне нормальные и более или менее соответствующие предварительным ожиданиям. Под термином «товар» мы понимаем любую вещь, приобретающую цену при смене владельца. Если бы космос товара не держался на способах организации, отчасти являющихся имплицитными, было бы непонятно, учитывая его феноменальное разнообразие, как акторы могли бы в нем ориентироваться. Разумеется, коммерческая хватка акторов весьма неоднородна и зависит от уровня их рыночной социализации. Тем не менее, не обладая минимальной компетентностью, актер просто потерялся бы и оказался неспособен отыскать свою дорогу в этом мире — настолько значительными стали роль и число рыночных сделок в современных обществах. Именно в этом смысле мы будем говорить о *структурах товара*.

Опираясь на эти скрытые структуры, акторы могут выработать рефлексивную позицию в отношении связи между этими двумя видами гетерогенных сущностей, а именно между вещами, с одной стороны, и ценами — с другой, чье соединение и составляет товар как таковой, вместо того чтобы воспринимать данную совокупность лишь синтетически и пассивно переносить ее следствия. Но чтобы понять тот способ, посредством которого разум может пытаться постичь отношение между вещами и их ценой, нам следует принять во внимание третий вид сущности, который мы будем обозначать термином, используемым самими актерами, — автохтонным, так сказать, полисемантическим термином «стоимости». Действительно, именно в обращении к существу вещи, которое и будет ее собственной «стоимостью», мы осмысляем отношение между этой вещью и ее ценой, независимо от того, критикуем мы эту цену или же ее оправдываем. Вместо того чтобы считать стоимость субстанциональным и мистическим свойством вещей (такая точка зрения доминировала в классической экономике и сохраняется по сей день), мы будем тракто-

вать стоимость как диспозитив оправдания или критики цены вещей. Структуры, которые мы попытаемся вычленишь, размечают мир товара, распределяя совокупность рыночных предметов между различными способами оправдания (или критики) их цены, то есть между различными способами придания им ценности. Мы увидим, что различные способы придания ценности вещам представляют собой колебания различий, полученных путем перестановки элементарных оппозиций, в результате чего мы можем их описывать в виде группы преобразований, что позволяет согласовать гомогенность мира товара (он включает в себя всякую вещь, цена которой складывается при переходе из рук в руки) и разнообразие составляющих его объектов в зависимости от способа оправдания этой цены.

Именно благодаря внимательному отношению к динамике капитализма, мы попытаемся соединить эти два подхода — исторический и аналитический, направляющие нашу работу. Мы будем рассматривать капитализм скорее в отношении торговли, нежели в отношении тех изменений, которые затронули производство и, как следствие, труд, став начиная с последней четверти XX в., с ростом безработицы, центральной темой работ о капитализме. Для этих целей мы многое почерпнули, с одной стороны, из (пере)прочтения работ Фернана Броделя, который в своем широкомасштабном исследовании капитализма помещает товар и торговлю в самый центр анализа, тогда как, с другой — из тех трудов, где броделевская оптика сохраняется по сей день, речь идет, в частности, об исследованиях Джованни Арриги. Структуры товара имеют исторический характер, и это объясняется тем, что они включены в динамику капитализма и в артикуляцию между порядком и беспорядком, которая является его движущей силой. С одной стороны, капиталистическое накопление должно опираться на общие ожидания и тем самым на рыночные структуры, чтобы, в частности, ограничить транзакционные издержки. Но, с другой стороны, для логики этого накопления свойственно беспрестанно смещаться и извлекать выгоду из коммерциализации новых объектов, подрывая тем самым свои собственные структуры.

Капитализм, который в первое время зависел главным образом от промышленности, должен был развиваться таким образом, чтобы извлекать максимальную выгоду из коммерциализации других предметов, вместе с тем

шансы извлекать прибыль из эксплуатации промышленного труда убывали. Таким образом, формирование структур товара, каковые мы наблюдаем сегодня, может быть связано с развитием экономики обогащения. Существование этой множественности форм валоризации, каковые являются одновременно изоморфными и дифференцированными, обеспечивает возможность того, что различные вещи могут переходить из рук в руки с надеждой, что всякий раз они будут проданы по максимально высокой цене с тем, чтобы извлечь самую большую прибыль или ограничить потери. Если бы существовал лишь один способ отсылки к стоимости вещей для того, чтобы оправдать их цену, громадное количество объектов, которые обмениваются сегодня по высокой цене, оказались бы обесцененными. Диверсификация структур товара сопровождается параллельной диверсификацией нехватки, которую эти товары призваны заполнять. Тем самым структуры товара стремятся одновременно формировать представление о конкретных вещах и нехватке этих вещей, так что они находятся на грани неразличимости между объективными и субъективными факторами. Именно этим они и способствуют в широкой мере формированию того, что мы называем реальностью, поскольку она зависима от того, что Витгенштейн называет языковыми играми, позволяющими актерам постигать опыт посредством рефлексивных механизмов.

Реализация этой работы привела нас к необходимости перемещаться между различными дисциплинами, различными методами и между различными полями исследования. Эти перемещения не были преднамеренными, но в каком-то смысле были навязаны логикой исследования, самый объект которого раскрывался по мере того, как полученные данные, отвечавшие, как нам казалось, на поставленные нами вопросы, выявляли новые вопросы, вовлекая нас в новые изыскания.

В части дисциплин мы таким образом проделали путь, который от социологии и антропологии привел нас к прочтению различных источников по истории — будь то история искусства, история техники или политическая и социальная история — а также по политической философии, и в особенности по экономике. В последней дисциплинарной области, каковая является не более унифицированной, нежели сама социология, и каковая пронизана весьма разнообразными направлениями — различными школами, кото-

рые, как известно, доходят даже до того, что оспаривают друг у друга само наименование «экономика», — наши анализы и заимствования направлялись то в сторону работ, восходящих, скорее, к неоклассической традиции, то в сторону работ, относящихся к так называемым неортодоксальным или критическим направлениям, притом что расхождения между ними показались нам не такими уж резкими на уровне документального и даже теоретического плана, чем на уровне их институциональной принадлежности и конфликтов между школами. Нам показалось, что самое поразительное расхождение между «ортодоксами» и «еретиками» объяснялось главным образом тем отношением, которое эти различные стили экономики поддерживали с самой социологией, поскольку первые стремились защитить автономию экономики, определяемую, в частности, тем местом, которое отводилось моделированию на том или ином языке математических наук, тогда как вторые не гнушались прибегать к данным из других социальных наук.

Нашей главной заботой было выявить зачастую трудные отношения, которые социология и антропология поддерживали с экономикой и которые приводят многих социологов и антропологов к тому, чтобы либо игнорировать экономику (как если бы существовала некая автономия отношений символического обмена по отношению к обмену материальными ценностями); либо поспешно хвататься за модели, пришедшие из экономики, чтобы приложить их к своим собственным объектам и одновременно оправдать решения политической экономии, касающиеся этих объектов; либо, напротив, вырабатывать критическое отношение к экономике в целом, как если бы только социология и антропология имели доступ к истине отношений между людьми, каковая якобы неподвластна экономической науке, обвиненной в бесчеловечности и лишенной звания «гуманитарной». Если в нашем труде и есть место критике, то она направлена на современный капитализм, а не на экономику как таковую. Таким образом, в наши намерения входило продолжить усилия исследователей, несомненно, более многочисленных в не столь отдаленном прошлом, чем сегодня, которые работали в пользу объединения социальных наук, против любых форм дисциплинарной ортодоксии. Мы считаем, что это усилие проходит сегодня через преодоление тех форм напряженности, в которых

противопоставляются подходы, унаследованные скорее от позитивизма (распространенные в экономике), и подходы, относящиеся скорее к конструкционизму (более распространенные в социологии). Мы попытались двигаться в этом направлении, развивая своего рода *прагматический структуриализм*. Этот подход позволяет сочетать социальную историю и анализ когнитивных компетенций, которые используют акторы в своих действиях.

Что касается методов сбора данных, наш подход был самый что ни на есть эклектичный. Подход «сборщика колосьев», если так можно выразиться. Приводя то там, то тут примеры, взятые в других странах, с тем чтобы показать, что мы говорим о процессе, который может распространяться повсеместно, мы сконцентрировали свое внимание на случае Франции, несомненно, являющейся одной из тех стран, где трансформации, которые мы пытались выявить, проявляются с наибольшей четкостью. Мы скрестили сбор статистических данных с многочисленными формальными и неформальными интервью — либо с информантами, обладающими тем или иным институциональным авторитетом, либо с так называемыми обычными акторами, например, художниками или коллекционерами различных вещей — от произведений актуального искусства до эмблем футбольных клубов; обработкой обширной документации, создававшейся для коммерческих целей или саморекламы, собранной на бумажных носителях или в интернете; анализом пособий по маркетингу предметов роскоши, туризма, искусства и культуры; этнографию мест, где формирование экономики обогащения можно было изучать «на местах» (как в Обраке или Арле).

Последующие страницы являются, таким образом, результатом своего рода кустарного предприятия, которое, будучи весьма распространенным ранее в социальных науках и в социальной антропологии, или даже больше в истории, нежели в социологии, сегодня подвергается резкой критике, несмотря на то, что представляет огромные преимущества по части свободы и, в особенности гибкости в реализации проекта, который, не будучи подчиненным обязательствам перед инстанциями финансирования, может постоянно пересматриваться и переориентироваться в соответствии с полученными результатами. Мы слишком часто забываем, что, ограничивая себя работой с большими данными (*big data*), мы переоткрываем уже социально

сконструированный объект, лишая себя возможности рассматривать и рефлексивность акторов, и социальные изменения, которые еще не стали объектом таксономической идентификации и технической и институциональной регистрации.

Сбор материалов оказался для нас довольно тяжелым делом в силу того, что то, что постепенно открывалось как поле нашего исследования — то есть, с одной стороны, формирование экономики обогащения, тогда как с другой — современное состояние структур товара, а также компетенций, позволяющих акторам в них ориентироваться, — до сего дня ни в том, ни в другом случае не стало основанием для построений, обеспечивающих глобальный сбор данных, в частности статистического плана. Не существует вычислительных или административных центров, которые бы собирали, концентрировали и форматировали данные по всем областям, которые, по нашему мнению, подлежат рассмотрению для того, чтобы выявить очень важные, с нашей точки зрения, проявления современных процессов социоэкономической эволюции. Таким образом, нам приходилось перемещаться среди множества полей исследования — от современного искусства до индустрии роскоши, от культурного наследия до туризма и т. д. Изучение каждого из этих полей можно было бы существенно углубить, так что наша книга может быть прочитана как приглашение к работе на новом участке исследования. Следовательно, мы надеемся, что наша задача может быть подхвачена другими исследователями, которые смогут дополнить результаты и развить представленные здесь гипотезы.

Часть I
*Разрушение и созидание
богатств*

Глава 1

Эпоха экономики обогащения

Деиндустриализация стран Западной Европы

В ПОСЛЕДНЕЙ четверти XX в. массовое производство уже не рассматривалось в западных обществах как единственный, ни даже как главный способ максимизации прибыли и накопления богатства. К тому же дальнейшее развитие по ту сторону массового производства становилось для капитализма необходимостью, продиктованной потребностью в прибыли, поскольку возможности, открытые этой формой и считавшиеся поначалу практически неисчерпаемыми, достигли, похоже, своего предела. Тем не менее это развитие не было отмечено полным забвением стандартной формы. Оно приобрело форму более интенсивной финансиаризации, а в области производства и/или сбыта продукции форму перетасовки геополитических карт. Некоторые так называемые развивающиеся страны брали на себя затраты на массовое производство, рассматривая его как главный путь обогащения, тогда как некоторые из стран, которые были в XIX и XX в. центром мирового капитализма, сосредоточились на финансах и на разработке высокотехнологичных товаров, удерживая на расстоянии власть над производством товаров широкого потребления, как продукции, полученной на основе технических инноваций, а также направляли свои усилия в сторону гораздо более интенсивной, чем в прошлом, коммодификации областей, которые долгое время оставались на обочине капитализма.

Географическая экспансия капитализма переместила в страны, где рабочая сила была в изобилии и плохо организована и где, соответственно, зарплаты были низкими, множество мест производства стандартных предметов, разработка и реализация которых, тем не менее, в основном остались в руках фирм, штаб-квартиры которых на-

ходятся в западных странах, в центре глобального капитализма. Одним из последствий этих перемещений стало ускорение деиндустриализации стран Западной Европы. Деиндустриализация в 2000-е гг. — хорошо изученное явление, затронувшее западную экономику, и в частности Францию¹. Занятость в промышленности достигла своего пика в 1974 г. с более чем 5900 тыс. наемных работников. В начале 2010-х она потеряла более 40% численности рабочей силы. В то же самое время то, что статистики, используя более широкое определение, называют «производственной сферой», сократилось с 48 до 35% рабочих мест². Это сокращение затронуло почти все отрасли экономики, за исключением некоторых высокотехнологичных отраслей, таких как авиационная промышленность, ядерная энергетика, фармацевтика и вооружение³, а именно: горнодобывающую промышленность, черную металлургию, машиностроение, судостроение, текстиль и т. д. Особенно пострадали промежуточные и потребительские товары. Их спад, начавшийся в 1960–1970-х гг. в текстильной и кожевенной отраслях, впоследствии распространился на весь мир фабричного производства в целом.

Под «деиндустриализацией» мы, однако же, не подразумеваем переход к «постиндустриальному» обществу, наступление которого часто пророчили в социологии в 1960-е гг.⁴ Это пророчество в целом так и не сбылось. С одной стороны, многочисленные отрасли, долгое время остававшиеся на обочине индустриального мира, такие как малый бизнес, образование, здравоохранение, услуги на дому и т. д., сегодня управляются (в том числе, когда они зави-

-
1. Об этом см.: Lilas Demmou, *La Désindustrialisation en France*, document de travail de la Direction générale du Trésor, n° 2010/01, juin 2010.
 2. Vincent Hecquet, «Emploi et territoires de 1975 à 2009: tertiarisation et rétrécissement de la sphère productive», *Économie et Statistique*, n° 462–463, Insee, 2013, p. 25–68.
 3. Martin Fortes, «Spécialisation à l'exportation de la France et de quatre grands pays de l'Union européenne entre 1990 et 2009», *Trésor-Éco*, n° 98, février 2012.
 4. См.: Alain Touraine, *La Société post-industrielle*, Paris, Denoël, 1969; Daniel Bell, *Vers la société post-industrielle*, Paris, Robert Laffont, 1999 (1973); Даниел Белл, *Грядущее постиндустриальное общество*. Москва: Академия, 1999. Относительно уместности понятия постиндустриального общества для характеристики современных европейских обществ см. также: Aurélien Berlan, *La Fabrique des derniers hommes. Retour sur Tönnies, Simmel et Weber*, Paris, La Découverte, 2012, p. 317–322.

сят не от частного сектора, а находятся под государственным контролем) в соответствии с методами управления, зародившимися в крупных мировых компаниях, и подчиняются бухгалтерским стандартам, разработанным в промышленности, что стало возможным благодаря массовому внедрению информатики. Но самое главное, европейские общества потребляют больше, чем когда бы то ни было, продуктов промышленного происхождения, например мобильные телефоны или персональные компьютеры, добавившиеся к списку наиболее употребительных бытовых приборов. Никогда еще в обращении не было такого количества предметов торговли, но производят их в других местах. В тот же самый период во Франции внутреннее потребление действительно выросло почти что вдвое, равно как и доля рыночных услуг в общей добавленной стоимости, тогда как доля промышленности сократилась почти на две трети. Объяснение этих процессов деиндустриализации является предметом острых дебатов среди специалистов по эконометрии. Трудно измерить ту часть, которая в деиндустриализации приходится на долю аутсорсинга определенных функций, исполняемых фирмами, но не связанных напрямую с производством, с одной стороны, и ростом производительности труда — с другой. Но весьма вероятно, что самая значительная часть приходится на импорт предметов, изготовленных в странах с минимальной стоимостью рабочей силы (от 9 до 80% в зависимости от отрасли⁵), где к тому же рабочая сила слабо мобилизована и слабо защищена. В первую очередь, это страны Дальнего Востока — Китай и Вьетнам, но также страны Восточной Европы после распада коммунистических режимов, например Словакия, Румыния или Болгария.

Промышленная делокализация является неотъемлемой частью истории западного капитализма последних 50 лет и, несомненно, представляет собой один из путей выхода из кризиса, постигшего капитализм в середине 1960-х и продолжавшегося примерно до середины 1980-х гг. Движение делокализации, часто рассматриваемое в терминах снижения производительности и переизбытка производственных мощностей по отношению к платежеспособному спросу, приводящее к регулярной эрозии прибыли

5. Lilas Demmou, *La Désindustrialisation en France*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru